

Чего мы ждем от съезда

Иван **МАРКЕЛОВ**, архитектор
С позиции строгой **взыскательности**
Бывает иной раз так: прочтешь произведение и чувствуешь, что его автор не хватает порой широты кругозора, той осведомленности о богатстве и многообразии культуры, созданной всем развитием человечества, без которой Ленин вообще не мыслится строителем пролетарской культуры.

Передо встречаясь, например, в среде архитекторов люди, которые, не обладая достаточными знаниями, навскидку считают свое произведение оригинальным и высокохудожественным, хотя на самом деле оно подчас повторяет давно пройденный этап, да еще в худшем варианте. Мне кажется, что это — одна из тех серьезных причин, которые порождают не малое количество посредственных, серых произведений.

О кругозоре писателя, о его культурном багаже у нас почему-то мало и, пожалуй, слишком робко говорят. А этот вопрос заслуживает большого внимания. Ведь стоит взглянуть в любой том писем Горького, как сразу видишь человека огромной культуры, талант которого обогащен широким диапазоном знаний. Без этих драгоценных качеств трудно, да и невозможно, представить себе и таких писателей, как Маяковский, А. Толстой, Шолохов, Фадеев, Федин, Гладков, Леонин, всей той славы плеяды советских литераторов, которым народ уже сказал свое слово признания.

Бесспорно, широта кругозора у писателей в разный период их жизни различна. Но она всегда находится в прямой зависимости от требовательности их к себе, к своим произведениям. А требовательности этой у некоторых авторов книг мало. Разве не об этом свидетельствует спешка, с которой иные авторы выисывают в свет свои еще совсем незрелые произведения, забывая, а порой просто игнорируя то, что все великие писатели были и великими тружениками, что они кропотливо работали над филигранной отделкой текста, над наиболее полным художественным воплощением своего замысла. Пусть не посетует на меня Ю. Трифонов, если я возьму в качестве одного из многих и совсем не худших примеров его роман «Студент» — книгу, которая своей тематикой вызвала большой интерес, но вместе с тем породила у читателя и чувство неудовлетворенности. Как много знаний еще надо вообрать автору, чтобы его следующая книга поднялась до уровня подинно художественного произведения.

С трибуны Второго всесоюзного съезда писателей хотелось бы услышать нелицеприятный разговор о тех авторах, которые, прибавившись к литературному труду, останавливаются в своем развитии, стремясь быть должной саморитичности заскучать в набор все только что вышедшее изпод пера.

Возросший культурный уровень народа должен стать меридианом при подведении итогов прошедного десятилетия литературы двадцатилетнего пути.

М. РУДОМИНО, директор Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы

Наши предложения

В течение последних лет значительно расширились наши интернациональные литературные связи. Они выражаются и в частых поездках советских писателей за границу и в частых приездах зарубежных гостей в СССР. Одновременно заметно растет и выпуск у нас произведений классической и современной прогрессивной иностранной литературы.

Советские читатели любопытны. Они хотят познакомиться не только с отдельными произведениями зарубежной литературы, но и с идейно-творческой и общественной биографией их авторов. К сожалению, это законное желание читателей нельзя удовлетворить: состояние нашей критики и литературоведения в области иностранной литературы явно неблагополучно. Работники нашей библиотеки считают важным поставить этот вопрос перед Вторым съездом писателей.

Отсутствие исследований и критических работ об основных направлениях в зарубежной литературе и искусстве, монографий о крупнейших мастерах Запада и Востока заставляет читателей пользоваться рукописными диссертациями, статьями, рассеянными в советской периодике, которые зачастую буквально до дыр. Достаточно ли, что наше студенчество зачастую пользуется устаревшими работами буржуазных критиков?

Необходимо издать сборники статей и монографий о виднейших деятелях прогрессивной зарубежной литературы. Почему бы не возродить выходящую у нас серию «Жизнь замечательных людей», включив

Анкета
«Литературной газеты»

в нее биографии иностранных прогрессивных деятелей культуры? Надо, наконец, приступить к выпуску журнала иностранной литературы, в котором наряду с переводами новых произведений давались бы информационные сведения, аннотации, оценки новинок зарубежной литературы, отмечались бы литературные даты и юбилеи, печатались бы рекомендательные списки выходящих за рубежом ценных книг.

Следует, думаем нам, расширить количество и тематику выходящих в СССР произведений иностранной художественной литературы.

Что такое для нашей страны тридцатисорок книг, выходящих ежегодно издательством иностранной литературы? Капля в море! Гослитиздат же, сосредоточив главное внимание на издании классиков, совершенно отстранился от современной литературы. Горячо поддерживая предложение Всеволода Иванова, писавшего в «Литературной газете» о необходимости возобновить выпуск серии «Необходимости»

«Ведь не только в том, что у нас издается мало переводной литературы, но и в том, что порой качество переводов оставляет желать лучшего. Происходит это отчасти и потому, что писатели не участвуют в переводе художественной прозы».

Вот вопросы, которые хотелось бы поставить перед съездом писателей.

А. ГОЛЬДИН, директор книжного магазина

Книги и их пиражи

«Правильно ли мы поступаем?» — такой вопрос задавал недавно на страницах «Литературной газеты» редактор предстоящего съезда писателей директор издательства «Советский писатель» М. Корнев. Ссылаясь на ограниченные фонды бумаги, он считает единственным выходом из положения увеличение количества выпускаемых книг за счет уменьшения пиражи.

Нам кажется, что такое предложение должно вызвать на съезде самое решительное возражение. То, что предлагает М. Корнев, является линией наименьшего сопротивления. Вместо того, чтобы изучить положение на книжном рынке, посмотреть, нет ли каких-либо внутренних резервов, М. Корнев видит выход в снижении тиражей в то время, как спрос на книги в нашей стране растет не по дням, а по часам.

Мы приглашаем М. Корнева взглянуть на полки книжных магазинов, в частности нашего магазина № 62 Москвитинского района, расположенного в районе ряда крупных промышленных предприятий столицы. Опыт книжников говорит о том, что можно резко увеличить тиражи и количество названий новых книг художественной литературы за счет прекращения выпуска неходовой литературы. Резервы здесь огромны; до сих пор, к сожалению, выпускается много книг, и притом большими тиражами, абсолютно не интересующих читателей.

Вот, к примеру, погибла бумага для 30 тысяч экземпляров хорошей книги; она пошла на выпуск сырой и недоработанной книги Л. Колиной о Льево Толстом. А сколько таких книг выходит ежегодно! О том, как неразумно расходуется бумага, свидетельствует и такой пример. В прошлом году вышел трехтомник А. Куприна, быстро раскупленный читателями. Почти одновременно Гослитиздат выпустил полнотомный тиражом сборник его рассказов. Он еще не разошелся, а в другом московском издательстве вышел второй сборник, также большим тиражом. Конечно, мы за самое массовое издание произведений А. Куприна, но не такими беспорядочными и неразумными способами. Другой пример. Начало выходить собрание сочинений Виктора Гюго. До этого Гослитиздат были выпущены большими тиражами его отдельные произведения. И ввиду в Кашине, в местном Учебно-педагогическом издательстве, сотысячным тиражом снова выходит «Человек, который смеется». Когда же будет организовано всесоюзное планирование книгоиздательского дела?

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР
№ 138 (3322) Суббота, 20 ноября 1954 г. Цена 40 коп.

НАША СОВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Из записных книжек писателей

Совет моего друга

Мы с ним старые друзья. Лет пять назад, решив навесить его, я поехал на лесопункт, которым он уже давно руководил. Дело было зимой. Залитый лунным светом лес трещал от мороза. Слово кто-то осторожно ломал сучья. Протяжно гудела скважина льдом гдаль озера, мимо которого мы ехали.

Судьба четырех братьев

Закончив дежурство, Федор Титович торопится домой, чтобы поспеть на скорую руку и идти проводить занятия в школе новаторов. А вечером тоже дела — надо писать письма сыновьям. Три сына ждут его ответа. Адрес у них один: Ленинград. Институт имени И. Е. Репина.

Звезда моего друга

Вот уже тридцать лет, как Федор Титович Холуев работает стрелочником на станции Лев Толстой. У него четверо сыновей.

Звезда моего друга

Здесь, на станции Лев Толстой в 1931 году поступил в школу старший его сын Михаил. Здесь Михаил стал пионером, здесь его приняли в комсомол. В старинной школе преподаватель черчения и рисования Анатолий Васильевич Сидякин привил мальчику страстную любовь к искусству.

ЗАВТРА советский народ отмечает День артиллерии. Трудящиеся нашей Родины в этот день чувствуют славных советских артиллеристов, рабочих, инженеров и техников артиллерийской промышленности.

Многолюдно в залах Центрального музея Советской Армии. Посетители с волнением останавливаются у боевых реликвий, свидетельствующих о героизме и мужестве советских артиллеристов. Вот 76-миллиметровая пушка. Ее боевой расчет прошел с нею от Волги до Вислы, проведя более десяти тысяч выстрелов, уничтожив сотни вражеских солдат и офицеров, пятнадцать танков, двенадцать орудий, семьдесят пулеметов и много другого вооружения противника. В витрине — «Боевой листок», посвященный подвигу артиллериста И. Шевцова, уничтожившего несколько танков врага. О безавтоматном мужестве артиллеристов повествуют полотна художников. Около десяти тысяч экскурсантов посетили в эти дни и Артиллерийский исторический музей в Ленинграде, недавно открывшийся после генеральной реконструкции.

По всей стране — на предприятиях, в учреждениях, колхозах, военных частях и подпольных — проводятся беседы и доклады, посвященные Дню артиллерии. В клубах, домах и дворах культуры проходят торжественные заседания, организуемые встречи с Героями Советского Союза. О героических делах артиллеристов в боях под Сталинградом, Корсунь-Шевченковским, во время штурма Берлина рассказывает выставка в Киевском доме офицеров.

Сегодня в Москве, в Центральном театре Советской Армии, состоится торжественное заседание, посвященное Дню артиллерии.

Запасная профессия

КНЕВ. (Наш корр.). В одном из цехов завода «Большевик» работают мастер Иван Ярыгин и токарь Григорий Липов. Ярыгин трудится здесь лет восемь. Липов пришел на завод еще до войны. В их разговоре часто можно услышать шутливое: — Вы правы, товарищ лейтенант... — Ряд стараться, товарищ капитан... Дом у обоих хранился долгое время для каждого фронтника. Командир противотанковой батареи стрелкового полка гвардии лейтенант Ярыгин снят в наступлении в пункте под Кенигсбергом после тяжелого боя, а капитан Липов — под Мукденом, где орудия его дивизиона дали последние залпы.

В 1946 году Ярыгин не имел никакой мировой профессии, но через два года на вопрос о специальности его отвечал: — Выбирайте: токарь, фрезеровщик, зуборезчик. А, впрочем, есть и четвертая. Еще недавно она была основной, а теперь запасная — артиллерист...

Почетная запасная специальности! Бывшие артиллеристы поглощены сегодня мирным трудом. Стояк Липова работает на

Редкая рукопись

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Несколько времени назад один из ленинградских музеев приобрел у частного лица старую, замечательно оформленную книгу, написанную от руки затейливой славянской вязью. Она была передана в архив Артиллерийского исторического музея.

Книга оказалась неизвестной до сих пор рукописной инструкцией по стрельбе, составленной для строевого состава артиллеристов Петра I. В ней обобщен боевой опыт Северной войны 1700—1721 гг.

Весь текст разбит на 35 разделов, названных автором «проблемами». В конце книги — 60 отлично выполненных чертежей и таблиц, образованных артиллерийскими орудиями и боеприпасами. Некоторые чертежи представляют громадную ценность, как документы, удостоверяющие приоритет нашей страны в

На берегу Савана

Сурен. — А Левоник и турбины. В своих мечтах он приспособился уже электричество для выращивания невиданных урожаев, для лова форели.

Улыбаясь своим мыслям, дел смотрел на восточный берег Савана, утопающий в солнечных лучах. Винзу, на берегу, рыбаки-колхозники тнули сети; до нас глухо доносилась их песня.

А я думал о том, что, если бы лет сорок назад в селении Цовагоха, где люди жили в сырых землянках, о которых писал в своем романе Мурадян, кто-нибудь осмелился мечтать об электричестве, его многие вообще не поняли бы — электричество здесь было неизвестно.

Каждый раз, думая о событиях этого года, я вспоминаю трех мальчиков из далекого Цовагоха, а на сердце становится тепло.

ЕРЕВАН Гурген БОРЯН

Идея создания системы коллективной безопасности

Идея создания системы коллективной безопасности в Европе близка и понятна народам. Она прокладывает себе новые пути к сердцам миллионов людей, растет ее популярность среди мировой общественности. Все это побуждает пропаганду врагов мира и европейской безопасности прибегать к различным уловкам и ухищрениям, чтобы удержать подлинное значение советского предложения и искажить его существование. Вместе с тем тревожа мыслью людей оглашают себя отчет в том, что если западные державы отклонят предложение о созыве совещания, то оно все же может быть созвано с участием тех стран, которые заинтересованы в укреплении мира в Европе. Встреча состоится 29 ноября в Москве. — пишет, например, корреспондент агентства Франс Пресс из Лондона. Ту же мысль высказывают также французские газеты «Фрэнссуар» и «Пари прес-Энтрансижан».

В обращении Национального фронта Чехословакии к чехословацкому народу, ко всем борцам за мир говорится:

«Мы ждем успеха международного совещания по вопросу коллективной безопасности в Европе, которое должно состояться 29 ноября 1954 года».

Это желание отвечает думам и чаяниям простых людей во всем мире.

Международные отклики

ПУТЬ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ МИРА

«Остановите ре- милитаризацию За- падной Германии! Не допустите новой мировой войны!» — эти слова принадлежат женщинам чешской делегации Лидице, стертвой во время войны с лица земли гитлеровцами.

Народ Чехословакии, страны, которая пятнадцать лет назад стала жертвой германского милитаризма, не забыл Лидице и всех страдальцев войны, развязанной германским милитаризмом. Об этом помнят также и миллионы людей в других европейских странах. Они сознают реальность новой угрозы и горячо приветствуют миролюбивый шаг Советского правительства, предложившего созвать Общероссийское совещание по вопросу о создании системы коллективной безопасности в Европе. Правительство ряда стран уже выразило готовность принять участие в этом совещании.

Иностранная печать оживленно комментирует ноту Советского правительства от 13 ноября. Демократические газеты единодушно поддерживают предложение о созыве 29 ноября Общероссийского совещания.

«Присутствие на мирных переговорах!» — заявляет польская газета «Трибуна люду». Принять участие в совещании по вопросу о создании системы коллективной безопасности для всех европейских государств, независимо от их государственного устройства! Не медлите с совещанием, которое может и должно изобрести народы от угрозы возрождения злобства для дела мира германского милитаризма и от угрозы гонки вооружений и увеличения бремени военных расходов!»

Каждое слово советской ноты свидетельствует об уверенности и решимости Советского Союза найти путь, ведущий к безопасности европейских народов, к устранению угрозы новой войны. «Этот путь означает обеспечение мира для всех» — пишет чехословацкая газета «Русе право», — в то время как лондонские и парижские соглашения, имеющие целью возрождение агрессивной западноевропейской милитаризма, означают — опять-таки для всех стран без исключения — серьезнейшую угрозу их безопасности... Как невозможно соединить воду с огнем, так невозможно воссоздать Германию после создания вооруженной до зубов армии под командованием гитлеровских генералов!»

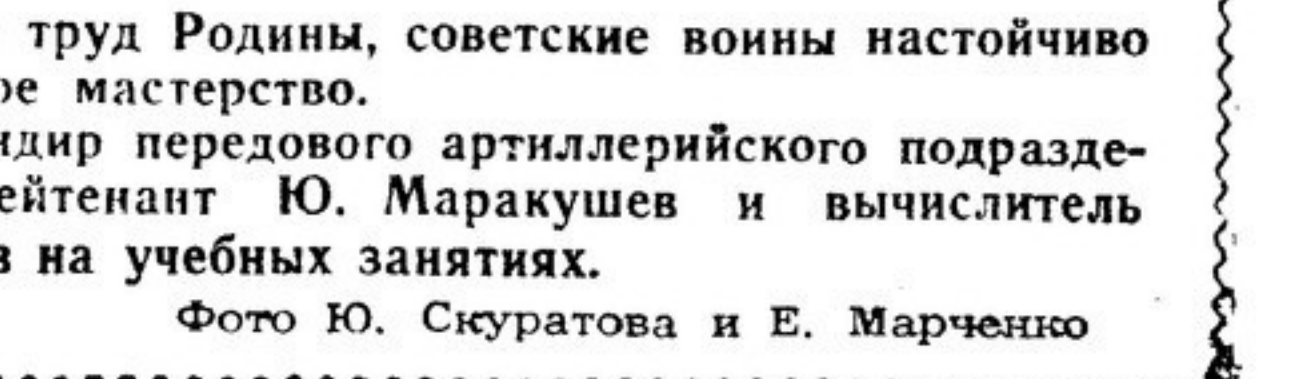
В дни, когда над европейскими народами нависла непосредственная опасность возрождения германского милитаризма, с собой собой проявляются чувство солидарности людей труда, стремление к единству действий. Металлурги комбината имени В. И. Ленина в Польше обратились к французским металлургам, призывая их к совместной борьбе за создание системы коллективной безопасности в Европе.

В резолюции, горячо одобренной многотысячным митингом трудящихся чехословацкого города Кромержиж, говорится: «Мы» обращаемся к жителям французского города Нанси с призывом еще решительнее бороться против ремиларизации Западной Германии, за осуществление советского предложения о коллективной безопасности в Европе». С этим же призывом обратились польские металлурги к трудящимся трех городов Рура — Эссена, Дортмунда и Вупперталя, рабочие британского нефтехимического завода в рабочем трех крупных западноевропейских химических заводов в Гамбурге, Ганновере и Людвигсгафене. Рабочие Витковичского металлургического комбината имени Клемента Готвальда в Чехословакии в своем послании рабочим объединенного сталелитейного завода «А. Г. Дюссельдорфа» пишут:

«Товарищ рабочие одного из крупнейших сталелитейных заводов Западной Германии! Мы обращаемся к вам, чтобы вы, люди во всех странах второй мировой войны, не допустили создания нового вермахта. Объединяйтесь с нами в борьбе за мир, за лучшую жизнь всех трудящихся на всем земном шаре».

Советское предложение, направленное на обеспечение европейской коллективной безопасности, получило горячую поддержку и китайского народа. Китайский народ, пишет газета «Гуанминжибао», глубоко понимает, как дорог мир, и поэтому заинтересован в мире как в Азии, так и в Европе. Китайский народ готов послать своего наблюдателя на совещание.

Идея создания системы коллективной безопасности в Европе близка и понятна народам. Она прокладывает себе новые пути к сердцам миллионов людей, растет ее популярность среди мировой общественности. Все это побуждает пропаганду врагов мира и европейской безопасности прибегать к различным уловкам и ухищрениям, чтобы удержать подлинное значение советского предложения и искажить его существование. Вместе с тем тревожа мыслью людей оглашают себя отчет в том, что если западные державы отклонят предложение о созыве совещания, то оно все же может быть созвано с участием тех стран, которые заинтересованы в укреплении мира в Европе. Встреча состоится 29 ноября в Москве. — пишет, например, корреспондент агентства Франс Пресс из Лондона. Ту же мысль высказывают также французские газеты «Фрэнссуар» и «Пари прес-Энтрансижан».

СТОП! Тяжелая, сухая жара, ветер несет по улицам горячий мелкий песок. Тревоги становится все чаще, и наконец каждый день в десятом часу вечера разносит...

Со всех концов города, от строителей рубящих, из военных частей санитарные службы сбегают в исполком, и становится ясно, что то, чем занимаемся мы, лабораторные люди, это лишь частная огромная задача, которую решает наш Сталинград.

СТАРЫЙ ДРУГ

Из третьей части романа «Открытая книга»

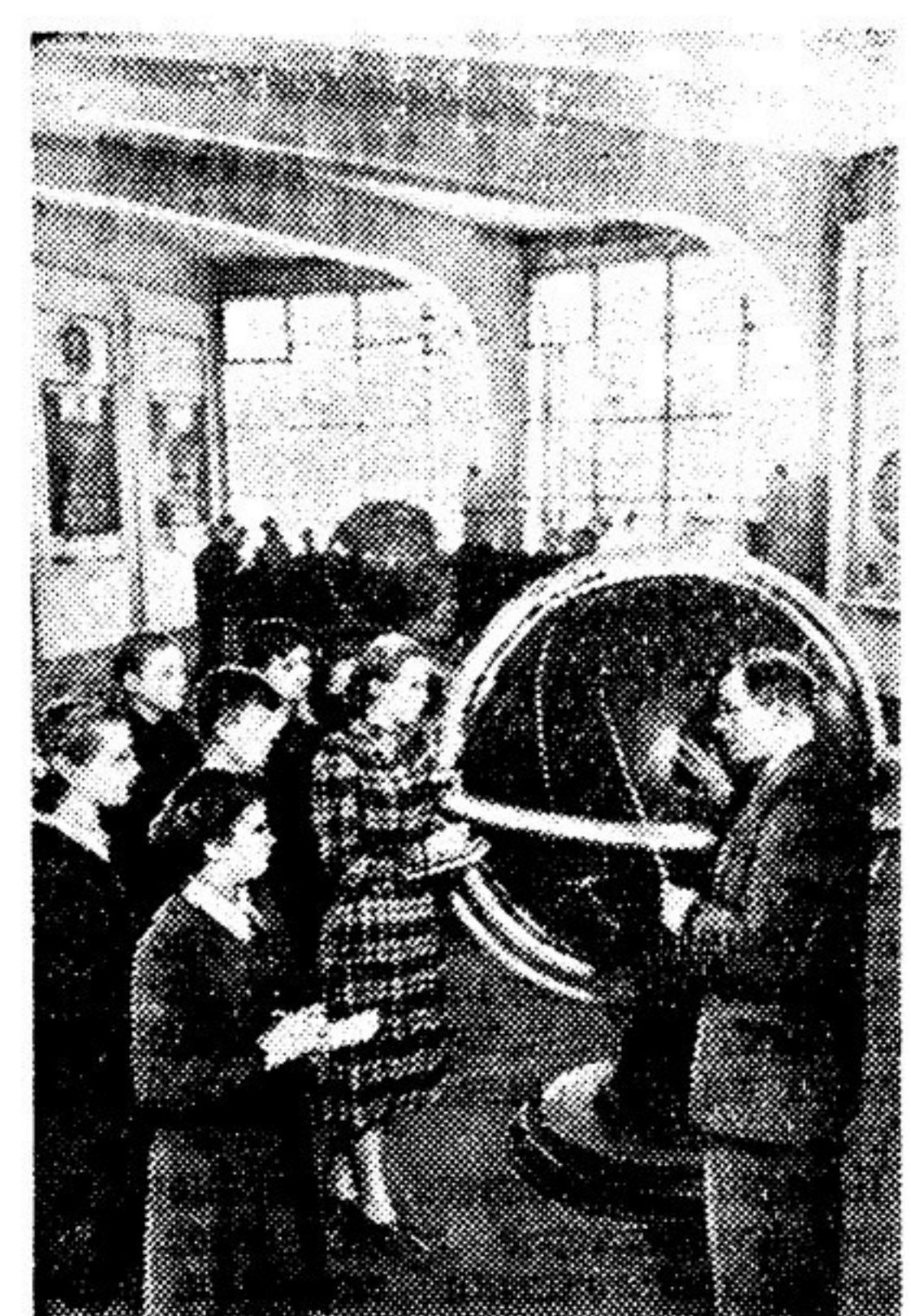
чуть сгорбленные плечи. Липо стало тоньше, как будто из-под прежних, молодых, грубоватых черт показались новые, в которых отразилась внутренняя (должно быть, неземная) жизнь.

и будете жить, как во сне. Вот я и не захохотел жить, как во сне. Зато и заучивал афоризмы.

— Зачем? — Чтобы не отстать от вас. «Нашман — базилла капитализма, посаженная в банку», — с ученым видом сказал Володя и не выдержал, засмеялся.

ничего, кроме этой незапамятной, неразделенной любви, этой горечи, вдруг переключившейся с моими самыми застенчивыми мыслями, полузабытыми, отложенными наголо.

Может быть, навсегда? Еще прежде я спросила Володю, женат ли он, и он пожал плечами с таким видом, как будто был виноват передо мной, что до сих пор не женился.

Московский планетарий велет пропаганду научно-атомических знаний. Здесь читаются лекции на различные темы, проводятся беседы по астрономии и физике, работают астрономические кружки. На снимке: в фойе планетария. Фото И. Егорова

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Под стук шаров...

Вскоре после Первого всесоюзного съезда советских писателей, в Свердловске, по инициативе местной писательской организации и при активном участии Б. Горбачева, был открыт Дом работников литературы и искусств.

Уроки Горького

Бор. АГАПОВ

Не было в истории известных нам литературных писателей, деятельность которого была бы столь тесно связана с борьбой народа огромной страны за свое освобождение. Не было в истории писателя, творчество которого было бы столь важно для успеха в борьбе народных масс за свободу, за власть, за построение нового мира.

писанные почти полвека назад, они до сих пор не утратили своей выразительной силы, и такие, например, как «Один из королей республики», могут быть напечатаны и сейчас на газетном листе с подветрившейся американцев в Азии, в Европе, да и у себя в стране. Помните «Горят Желтого Дьявола», где очень точные, предметные впечатления от виденного поднят на высоту такого напора отрицания и осуждения, что факт сам превращается в символ, документальный кадр, мелькнувший среди других, получает силу широчайшего обобщения.

творчества бывает воспринята нашими литераторами. Я вспоминаю, как еще году в 1947 Валентин Овечкин напечатал в «Справке» очерк «Думы об урожае», в котором с величайшей горечью было рассказано о том, как зазнался пропавшая звеньевая и как целый колхоз пострадал от того «культ личности», который был раздут вокруг этой женщины.

рой природы» была одной из любимейших идей Горького. Он видел в науке и технике тему для художника. В том, как искусство изменяется посредством включения в него человеческой энергии, он интуитивно постиг.

каков автор повествует ему о своем, о серпа ищущем, любимом, когда автор мыслит широко, говорит вольно. Тогда и слова у него иные — хваткие и жаркие. Документальный портрет. Это одна из интереснейших и почетнейших сторон мастерства Горького. Это вместе с тем одно из самых слабых мест в работе наших очеркистов.

своих. Как часто мы не решаемся сделать своих заключений, лепимся исследовать тех людей, которые должны явиться предметом наших описаний! Ведь легче всего прийти в восторг от человека — и ему не нужно и для работы прощала. А между тем нередко бывает, что те, кем мы неустанно восторгаемся, на нас сердятся именно за наш восторг!

Вс. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Мы в преддверии Всесоюзного писательского съезда, на котором так хочется думать и думать, любящим литературу, — будет не только поставлен, но и в какой-то мере решен ряд вопросов, определяющих дальнейшее развитие советского искусства. И наряду с идейными проблемами, волнующими равно писателя и читателя, а точнее, — чтобы не разделять эти два понятия, — весь народ, встанут на свежую и вопросы, более тесно связанные с профессиональной спецификой писательского дела.

Об одном из них, занимающем скромное место, но имеющем немаловажное значение, хотелось бы сказать несколько слов. Я имею в виду труд переводчика и, в частности, переводчика поэтических произведений наших братских народов.

Безмерно выросла роль этого литературного жанра в нынешних условиях. Давно уже остались позади период наивного кустарничества, самоуправной восторженности, высокомерного пренебрежения к духу и форме оригинала — все то, что нередко выдавалось за «свободное переложение».

Точность и правда являются обязательным законом для поэта-переводчика. В наше время перевод стал тонким искусством, требующим от его исполнителя значительной суммы знаний, технических навыков, умения в совершенстве владеть богатейшим арсеналом интонационных и образных возможностей родного языка, но говоря уже о необходимости точно и правильно прочитать и текст и поэтический подтекст оригинала. Само собою разумеется, всего этого еще недостаточно, если сам переводчик не будет обладать ценнейшими свойствами поэтического воображения, способностью, воссоздавая чужую мысль на своем языке, бережно сохранять особенности ее художественной формы.

Уместно отметить и то, что бесконечно расширялся круг переводчиков литературы и авторов: по сути переводчику зачастую приходится иметь дело с непривычными для него национальными особенностями народов, из которых многие впервые за всю свою историю выходят на самостоятельную литературную дорогу.

Не нуждается в доказательствах та неоспоримая истина, что благодаря дружной и талантливой работе многочисленной армии переводчиков стала всеобщим достоянием советского народа богатейшая сокровищница литературы наших братских республик. Более того, у широкого читателя чаще всего первое знакомство с культурой той или иного народа идет именно через его литературу, его искусство. Отсюда огромная роль переводчика — посредника, передатчика чувств и мыслей, выраженных первоначально в языке, складывавшемся в иных национальных условиях, в иной исторической обстановке. Только исключительная чуткость к слову и его оттенкам, только богатый запас знаний о культуре, об эпохе, в которой жил и творил переводимый автор, могут помочь переводчику достойно выполнить поставленную перед собой задачу.

Но все ли, берущиеся за труднейшее дело стихотворного перевода, обладают теми необходимыми качествами? К сожалению, далеко не все. Сколько было в нашей печати справедливых критик, осуждающих поверхностное, несерьезное отношение к своему делу некоторых поэтов-переводчиков, с одинаковой легкостью переводящих по построчному любого автора, какой бы национальности он ни был и в какую бы эпоху он ни писал.

Разве можем мы с уверенностью сказать, что имеем на русском языке достойные переводы классика татарской литературы

Габдуллы Тукая, хотя он и переводился неоднократно? Может ли полностью удовлетворить нас русское звучание знаменитого латышского поэта Яна Судрабальна? До недавнего времени оставалось не раскрытым полностью такое замечательное поэтическое явление, как глубоко философское и остро политическое творчество Яна Райниса.

У нас есть прекрасные переводы советских поэтов Украины и Белоруссии, Грузии и Армении; достойно переданы на русский язык эпические поэмы народов Средней Азии и Азербайджана, но еще слишком мало знаем мы о поэтических достижениях других братских республик, и не потому, что нет достаточного количества переводов, а потому, что переводы эти случайны по выбору и не высоки по литературному качеству.

В некоторой ограниченности знакомства с литературами братских народов повинны и наши центральные издательства, в планах которых тот или иной национальный автор возникает чаще всего только в связи с юбилейной датой, а никак не в порядке тщательно продуманного задания — последовательно и планомерно знакомить советского читателя с действительно выдающимися, ценными произведениями национальных литератур. Спенка в подготовке юбилейных изданий самым вредным образом отступает как качество представляемых переводов: приходить поручить многолюдному кругу исполнителей, далеко не равных по своим творческим возможностям, что неизбежно влечет за собой стилистическую пошлость и неровность исполнительского уровня.

Чтобы совершенно исключить из издательской практики кампанейский ажиотаж, необходимо в области переводной литературы перейти на систему трех- или пятилетних планов, позволяющих тщательно учитывать то, что достойно перевода, и вносящих более спокойную обстановку в работу самих переводчиков.

Важную роль мог бы сыграть в этом отношении альманах «Дружба народов», который уже давно требует значительного расширения тематических рамок, так как часто не может или не умеет охватить всего богатства материала, которым, из года в год разрабатывается, снабжает его наша национальная литература.

Давно уже обсуждается вопрос о ненормальности перевода с подстрочника, к тому же часто составленного неграмотно, случайными людьми, без учета всех тех требований, которые являются обязательными для обеспечения точной передачи и мысли автора и ее стилистического воплощения. Подстрочник, как «неизбежное зло», имеет первостепенное значение в первый период накопления наших знаний о национальных литературах. Он будет иметь и впредь (в приложении к мало распространяемому оригиналу). Но пора уже постепенно переходить и на более точные методы работы. Ныне достаточно определился и количественно богатый круг опытных переводчиков и примерный объем предстоящего им труда. Комиссия по литературе народов СССР следует расширять и углублять начатый ей опыт распределения поэтов-переводчиков (разумеется, учитывая личные склонности) по национальным группам с предоставлением им возможности практически изучать тот или иной язык.

Речь идет не только о создании кружков при Союзе писателей. Ознакомление с культурными ценностями республик необходимо поставить на практическую почву.

Переводчики не меньше, чем прозаики и поэты, нуждаются в творческих возможностях для собирания литературных материалов. Для высококачественного выполнения перевода, безусловно, необходимо личное знакомство с соответствующей речевой, с ее экономикой, литературой, искусством, не говоря уже о непосредственном общении с ее народом, бытом, пейзажем и т. д. А какое важное значение имеет совместная работа переводчика с автором! Все это говорит о том, что переводчики имеют полное право на получение серьезных мотивированных ими творческих командировок, чего пока в практике работы Союза не наблюдается.

Большую практическую роль в осуществлении этих полезных дел могли бы сыграть и сами республики, заинтересованные в широкой всесоюзной пропаганде своих творческих достижений. Отчасти это уже делается. В Латвии, например, при Союзе писателей существует возглавляемое поэтессой Мирдой Кемпе бюро литературной связи с братскими республиками. Это бюро осуществляет обмен квалифицированными построчными переводами, ведет детальную переписку об организации переводов для газет и журналов, устраивает дружеские поездки и встречи с деятелями той или иной национальной литературы. Но это только первые, далеко не совершенные попытки того, что должно стать на прочную практическую почву и в других республиках.

Встает вопрос и о переводческих кадрах, о привлечении молодых сил. В связи со значительным расширением издательских возможностей (в частности, в области перевода литературы народов СССР) потребуются немалое количество новых работников, творчески одаренной молодежи, уже проявляющей интерес к работе над художественным переводом. Почему бы не подумать о создании творческих семинаров при имеющихся секциях Союза писателей — и в Москве и в республиках? Издательства, заинтересованные в новых кадрах, должны принять в этом деле самое непосредственное участие.

Хочется сказать еще об одном весьма важном культурном деле, которое ждет своего укрепления и расширения. Крайне недостаточны до сих пор наши сведения о движении и росте литературы братских народов. Уже накоплено большое количество разрозненных материалов, которые никак не обобщены.

Правда, уже можно встретить исследования о деятельности того или иного национального поэта (Анки Куналы, Габдуллы Тукая, Ив. Франко, Леси Украинки и др.), во многих наших вузах введены курсы литературы народов СССР. Но серьезное изучение этих вопросов до сих пор крайне затруднено: обширнейший материал не только не приведен в систему, но и вообще разбросан в мелких публикациях периодической печати, и находящиеся его представляют делом весьма сложным, кропотливым. Пора завершить давно уже начатую работу над систематическим научным трудом, посвященным истории развития литературы народов СССР, а на первых порах хотя бы над созданием вузовского учебника и, параллельно с ним, соответствующего хрестоматии. Этим мог бы заняться виллудит Институт мировой литературы имени А. М. Горького в самом тесном контакте с комиссией по литературе народов СССР и правлениями ССН в республиках.

Все это, разумеется, вопросы, уже не раз поднимавшиеся писательской общественностью. Но, видимо, для проведения их в жизнь нужны авторитетные решения, создание определенной, тщательно продуманной системы. Съезд должен разобраться в накопившихся вопросах.

так уж интересна тема, которую ему предложили, что той созидательной страсти, о которой я говорил выше, у автора попросту нет и ему все равно, о чем писать. Но вместе с тем это происходит в большой мере и потому, что редакция тоже не так уж важна, будет ли написано горячо и поэтично. — лишь бы грамотно и лишь бы без ошибок. Ведь не случайно же, что о двух больших электростанциях «Известия» дали одинаково сухие материалы.

Между тем, как нужно читателю видеть и чувствовать то, что происходит вне поля его собственного зренья! В мае, июле и сентябре в журнале «Огонек» были напечатаны очерки Владимира Солоухина «Рождение Зернограда». Я уверен, что они отменили самой настоятельной потребности миллионов читателей увидеть и узнать, что делается на целинных землях. Как это все интересно! Первые, ошарашивающие впечатления от безбрежности пространств, от первоначальной природы. Первые шаги нового, небывалого движения в такой огромности просторов, что можно сказать: люди шапнут не землю, не целину, люди шапнут планету. Но шапнут планету обывательские советские люди, и о них пишет Солоухин тепло, поэтично и просто, именно как о людях, а не о гигантах. И потому они без всяких усилий со своей стороны и со стороны автора попадают в историю. Вот возникают первые дома, прилетели первые птицы, звенят песнями первые свадьбы...

Мне кажется, что очерки Солоухина — большая удача и автора и журнала, который сумел организовать это длительное наблюдение над жизнью нового союза, помог молодому литератору написать хорошую вещь.

На газетных материалах о целинных землях хочется отметить очерк другого поэта, немного постарше возрастом, — Ильи Сельвинского в «Интературной газете» — о некоторых отрицательных сторонах культурной и политической работы на целине. Этот мастерски написанный очерк был напавал случайно попавших на целину худиханов, мобилизует советскую молодежь на борьбу за культурную жизнь в новых местах.

Он написан страстно, с полной уверенностью автора в своей правоте и с той суrowой требовательностью, с какой должен выступать писатель, если он видит беды или ошибки.

О новых явлениях в жизни деревни, в работе партийных организаторов на селе интересней очерк написан С. Залыгин. За последние годы появилось много фундаментальных очерковых работ, которые пролили новые пути этому жанру, показали новые его возможности.

Однако нельзя забывать, что очерковая литература гораздо шире, чем продукция книжных издательств, в частности «Советского писателя», издательства, которое в последние годы поворачивало лицом к очерковой и документальной литературе. Очерковая литература включает в себя и столь важный раздел, как очерк в газете и в тонком журнале.

«Смена» — молодежный журнал. Он должен быть особенно горячим, поэтичным, искристым. Иногда это бывает. Но как много на страницах «Смены» скучного, сухого, канцелярского материала. Вот «красивый» заголовочек очерка Ю. Яковлева: «Вальсезе кострям, силне ноци!» и вскоре после заголовка фразы: «Я был во многих лагерях, читал десятки планов проведения всевозможных лагерных мероприятий. И все они, как родные братья, оказывались похожими друг на друга, написаны были одним языком, словно их составляла одна рука».

Во-первых, братья не обязательно должны быть похожи друг на друга. Во-вторых, если братья и похожи один на другой, то планы не могут быть похожи на братьев. А самое главное — автор очерка, судя из штампов в составлении плана, сам «составляет» очерк, как завытый штамповщик, не опущая того материала, с которым он имеет дело, а именно — языка.

И в той же «Смене» начечатана «Киевские этюды» Семена Жураховича. Полные лиризма, глубокого и чистого чувства, мужественной и нежной любви к людям, эти маленькие очерки трогают сердце и составляют приятный контраст сухому, «деловому», канцелярскому материалу, который занимает журнал.

Я подозреваю, что наиболее слабый участок нашей очерковой и публицистической литературы — это очерк в газете и тонком журнале, то есть очерк злободневный. Невообразимо очерк со стороны редакции газет и тонких журналов, нежелание этих редакций поддерживать очеркистов на высотах, разбудить их инициативу, заставить их соревноваться друг с другом в отношении литературной формы, языка, композиции, словом, безразличное, бюрократическое отношение со стороны этих редакций должно вызвать отпор литераторам. Очерк в газете и в тонком журнале может и должен делать гораздо больше, чем он делает сейчас. Это зависит и от писателя, но прежде всего это зависит от редакций, которым нужно вспомнить горьковскую страстную заинтересованность в развитии очерковой литературы.

Мы не забыли повесть «В окопах Сталинграда» это же талантливый автор. Какая это была умная, тонкая, правдивая книга, какой беспокойный романтичный пафос жил в ее будничных фронтовых сценах, какая большая правда звучала с ее страниц! Пусть взятая в малом разкряпе, пусть увиденная всего лишь в масштабе батальонных окопов, — но это была подлинная правда жизни и борьбы.

Первая книга Виктора Некрасова по праву вошла в число лучших произведений о Великой Отечественной войне, запомнилась, подлинность.

И вот пред нами его вторая повесть — «В родном городе», появившаяся через восемь лет после первой.

Она хорошо написана. Ее ясный, простой, точный и сжатый язык звучит, подкупает своей силой. Хороша ее образность, ярлыками стали образные и сюжетные мастерство писателя.

Ее действие развивается в последний период войны и в первые послевоенные годы, когда в невиданном напряжении всех сил наша страна добилась врага, сорушила его твердины и сделала первые шаги для восстановления мирной жизни.

Подобно полковнику Воропаеву, герою известного павленковского романа, герой повести В. Некрасова — Николай Митисов «недовоювал». Вражеская пуля перебила ему руку в Люблине, и он, отважный командир-разведчик, вернувшись в родной город для длительного лечения в госпитале.

Личные беды и душевные неустойчивости со всех сторон сразу окружают Николая. За годы отсутствия Митисова его молодая жена, которую он так любил, связала свою судьбу с другим человеком. Слишком велико, повидному, было ее одиночество, слишком бедна и горестна была ее жизнь под ярмом фашистской оккупации, — она сразу отдала свою женскую нежность и заботу молодому раненому советскому командиру — первому человеку, на фуражке которого она после долгих месяцев немецкого владычества увидела родную пятиконечную звезду.

Своей повестью В. Некрасов вступает в простую полемику со всеми псевдопоэтическими «украшательствами» жизни и ханжескими «сущностями». Ему глубоко враждебны лежачие от искусства, изображающие жизнь вне трудностей и противоречий. Есть много верного в том, как показаны жизнь горе, ревность, одиночество своего большого героя, не найдшего в родном городе всего того, на что он имел моральное право, на что надеялся сердцем своим.

Да, прав Некрасов, — немало было у нас в те годы трудного, тяжелого. Велики были потери и утраты, кровотоки душевные раны. Суrow был наш быт, велики материальные трудности. Их не мог мигновать Николай, ушедший на войну почти со школьной скамьи, а вернувшийся с ней, дичего толком не зная и не умея в «гражданской» жизни.

С новыми людьми сталкивает Николай эта новая его жизнь в родном городе. Вот Сергей — бывший военный летчик, потерявший ногу в боях на Курской дуге и ставший агентом по сбыту паточек, которые изготовляет сомнительная кустарная артель. У Сергея voltak крупные деньги, он бравирует своим ироническим равнодушием, он любит выпить и погулять. «ИмяLAND второй группы», — иронически говорит он о себе. — Отличная профессия. Я в то же время это хороший человек, по-моему прямой, великодушный, душевно щедрый. В нем сильны фронтовые завсика, дух боевого товарищества и взаимной выручки. Пусть в тыловой обстановке мирного города это выражается у него в неурядицах делах и поступках, — и в них угадывается его прямая, смелая душа.

Вот прекрасная женщина, библиокарка Анна Пантелеймоновна Острогорская, чуткий, умный человек, бережно относящийся к трудной судьбе Николая. Вот еще дядь Валя, бывший сержант-зенитчик, а ныне преподавательница английского языка. С ней у одинокого, страдающего Николая возникают сложные, невысказанные отношения.

Но не удовлетворяет Николая и близость с этими людьми. Ему трудно найти себе свое место в жизни. «Разведчик в отставке. Квартирант на продвинутом динаме», — так он характеризует самого себя в принадле самому значительной насмешки. «Он хочет сейчас только одного — пазад, туда, где сам ближе для него люди: Тимонка, Качочки, веселые его разведчики. И это желание активно поддерживает в своем герое автор. Почти все, что видит в родном городе Николай, — плохо, уныло, до боли прозаично. Со всех сторон — равнодушие, грязь, бедность, убогий быт. Вот Николая, подлечившего руку, послали на работу в жилищное управление. Но вокруг он видит одно жулье — ему, демобилизованному фронтовику, негде прописаться, злая управдомша не дает какую-то необходимую форму. И сама работа в жилищном управлении кажется ему отравной в своей будничности прозой. «Не окоп, нет — колденчик стол с ашиками, с бумагами, шкаф, набитый папками, протоколы обследований...»

Николай бросает работу. Снова не задит и его личная жизнь. После откровенного разговора с Анной Пантелеймоновной он понимает, что не имеет права на любовь Валы. Что он должен наладить свою жизнь с Шуруй, своей законной женой, причинившей ему такую боль, но как будто попрережнуе дорогой и близкой. Запальная, с ноловой тряпкой в руке и ржаным пожом, которым она отекрела грязь, предстает пред ним Шура в трагическую и растонную минуту возвращения.

Видение будущего счастья завершается первая часть повести. Она сразу будит много вопросов, недоумений, споров читателя с автором. В чересчур поднеженные материальных и душевных горестей, которые испытывали люди в ходе войны и вскоре после ее окончания, Виктор Некрасов и впрямь поднимает много верного. Он правдиво изобразил многие существенные жизненные конфликты, он заставил нас увидеть много такого, о чем другие рассказывали робей, а может быть, и просто не хотели — зачерпнуть настроение себе и людям? В этом своем стремлении к истине Виктор Некрасов прав.

О повести Виктора Некрасова «В родном городе»

«О, странное дело, — постепенно все более сгущаются краски повести, все более одинокой становится ее полемическая застенчивость, сперва казавшаяся верной, здоровой, но быстро начинающая превращаться в свою противоположность: быт с его душевными трудностями и будничными беднями заслоняет Николаю весь мир. Единственно прекрасными стали теперь воспоминания о прошлом. Почему же видение руин и фронтовых землянок Сталинграда заслоняет для Николая красоту нового дня? Почему романтика для него только позади, а не впереди? И почему автор ни в чем здесь не поправляет героя? Почему он старательно отходит в сторону именно тогда, когда так нужен читателю его ясный, воленой голос?»

Да, душой-раши — мелкая душа и скверный человек, а начальный жиливание Кочкин и впрямь жулик и склочник. Но ведь и хорошо по замыслу автора люди — Сергей, Анна Пантелеймоновна, супруги-художники — Велочка и Муля Блейбачина, офицер Яша, принимающий такое горячее участие в судьбе Николая, врачи, товарищи по госпиталю — тоже не сумели выручить Николая. Почему их искренние усилия ничему не помогли, ничем не наполнили ту душевную пустоту, которая так жемице звенит в душе Николая? Может быть, потому, что они и сами люди не очень интересные, мелковатые, неорыльные? Вот за ними ощущения большой нашей страны, ее крутого подъема, ее славных дел.

Помните, у поэта М. Луконина: «лучше прийти с пустым рукавом, чем с пустой душой». Как верно, точно, хорошо сказано! Босье, что это в значительной мере относится к Николаю. Автор рекомендует нам его коммунистом, стойким фронтовиком, честным малым. По эти рекомендации абстрактны, а факты его живой жизни убеждают скорее в том, что Николай не только не хочет выйти свое «место в строю», но как бы парочито отстраняется от активного участия в большой жизни.

«Мы, может быть, попросту дети жизненной тревоги», — сказал когда-то о мятущихся героях «Волшебной горы» Томас Мани. В этой печальной формуле великого немецкого реалиста была своя социальная правда и закономерность. Но ведь в повести В. Некрасова речь идет не о потерянии поколений Запада, а о наших людях, о солдатах великой войны и тружениках героического тыла. Иные закономерности, иные обстоятельства истории формируют их души.

«На фронте Николай узнал народ. Узнал и оценил», — говорит автор. Но почему же тогда эта близость с народом превращается в ничто? Почему так тоскует, почему не может найти себе места Николай в послеоюзной жизни? Почему так беден и неинтересен его внутренний мир? Вспомним еще раз Воропаева. Ему было и одиноко, и тяжело, и трудно, пожалуй, не менее, чем Митисову, но он, преодолевая физическую и душевную боль, шел в атаку на трудности. В созидаии, в народной борьбе он обрел свое счастье. Тяжко было Стелану Бортикову, — он, мучался, страшно боролся за семью, за счастье, за судьбу родного колхоза. Николай — человек много склада. Он не очень умеет, а часто и не очень хочет бороться с трудностями. Разумеется, это не удрек его создателю. На свете бывають Воропаевы, бывають Бортиковы, бывають и Митисовы. Литература призвана изображать и тех, и других. Но ведь не в одной регистрации существующих в обществе явлений заключается призвание художника. Изображая, он утверждает и отрицает.

В. Некрасов вызвал в нас сочувствие к бедам и неустойчивам Николая. Но когда встал вопрос о том, как их одолеть, автор отошел в сторону. Да и вообще нет в повести больших, ярких, волевых людей, способных дать решительный бой трудностям и бедам, повести вперед. А без таких людей жизнь в повести получается полове обведенной. Автор как бы говорит в подтексте повести: вот бывають и такие судьбы и такие жизненные ситуации. Не будем спорить, — конечно, бывають. Но что же дальше?

А дальше наступает самое странное. Николай вернулся к Шуры и началась вторая семейная жизнь. Все постепенно встает на свое место. Николай нашел себе работу, которая ему больше по душе, чем жиливание, — теперь он преподаватель физкультуры в школе. Трудится Шура, — в качестве чертежницы она помогает восстанавливать промышленность. «Самое необходимое в жизни человека, без чего ее никак нельзя назвать счастливой», — это мир и благополучие в семье и удовлетворенная работа». Так говорит один из второстепенных героев повести — Валерьян Сергеевич.

Но эта формула по отношению к Николаю Митисову становится формулой иронической. И хотя «кривая жизни пошла вверх», хотя жизнь «текла мирно и тихо», — герои повести не понимают друг друга. Их сосредоточенное молчание, которое может принять сперва за личное «ясно без слов», — всего лишь условная форма «невысказанности» во внутренний мир друг друга.

Проза обыващности, все более внутренне пустующая жизнь с Шуруй и, наконец, окончательный разрыв с ней, бегство из дома, безрезультатная попытка вновь привлечь сердце Валы...

Правое, все эти мучительные душевные переживания Николая Митисова становятся все более случайными, произвольными, не выходящими из логики развития образа. Если в первой части повести его внутренние борения были еще как-то понятны и оправданы, то здесь они становятся однообразно повторяющимися, малоубедительными, неважельными. В значительной же не верный, как не верный и в глубине переживаний Шуры, когда разлазилась ее семья. На место Николая очень скоро встает здесь Сергей, и автор намекает, что, может быть, тут и найдет героя свое подлинное счастье...

Но почему же получается так, что ни в любви, ни в расставании герои повести не имеют внутренней позиции, ни романтики молодости, ни полноты трагедийности, почему все так подчеркнато буднично?

Повесть «В родном городе» вполне сознательно и даже полемически заострена автором против «брозового» изображения жизни. Это хорошо. Но, к сожалению, одновременно она своей тональностью направлена и против всякой романтики и героики. Будни тыла однотонны, скучны, — эта мысль проходит в качестве главной мелодии мироощущения Николая Митисова, в общем довольно покорно и безвольно плывущего по течению своей несвоей жизни.

Почва ар в жизни Николая — вуз. Трудно дается ему учеба, трудно складываются его отношения с товарищами, с вузовской администрацией, с партийной организацией. Но, наконец, и Митисову представляется случай расправить плечи, совершить поступок, если и не безупречный с точки зрения книжной морали, то во всяком случае свидетельствующий о его благородных устремлениях. Жизнь столкнула Митисова с деканом факультета Чекменем. Чекмень готов подозревать и преследовать любого советского человека, побывавшего в оккупации, он грозит выгнать с работы заслуженного преподавателя Николая. Зло и точно изображена писателем бездушная фарисей, строящая свою карьеру на страданиях честных людей. Но, вступая в борьбу с Чекменем, Николай не находит доноров разума. Мысль его заменяет порыв. В пылу спора с Чекменем Николай ударил его. Дело подается партийному разбирательству. Бюро, большинство в котором составляють чужини и перестраховщики, предлагает исключить Митисова из рядов партии. Тут, наконец, обычно молчаливый Николай заговорил в полный голос. Ход событий обернулся теперь уже не против него, а против Чекменя. Симпатии студенческого партиобрания начинают переключаться в пользу Николая. Дело не завершено, но уже ясно его дальнейший ход. Правда восторжествует! — в этом нет сомнения.

Николай побеждает в схватке со злом, на которую он так неожиданно решился. Здесь, на короткий момент, он овладевает нашими симпатиями. Приходит к нему теперь и любовь Валы, — под ночной шум деревьев в Ботаническом парке, где так давно — уже почти семь месяцев назад — рождалась их робкое счастье.

На этом и завершается повесть Виктора Некрасова.

Нет споры — автор попытался развить действие в верном направлении. В конце повести он хотел показать, как в партианском выбитом, было, из жизни Николая Митисова все-таки взяло верное активное, волевое начало. Но заключительные сцены повести живут сами по себе, а образ Митисова и его смятенная душа — сама по себе. Горести и беды героя сильно перениваются в художественном итоге произведения. Перелом же во внутренней жизни героя очень слабо подкреплен предшествующим развитием его характера. Увидевшая общественной трусости одного из своих новых товарищей — коммуниста Хоухрякова и его нежелание бороться против зла, — Николай Митисов размышляет про себя: «Хороший как будто парень, а вот ведь как скрутило, к земле прижало. И тут же подумал: а тебя не прижало? А? Вспомни-ка прошлый год, позаршлый. Вспомни госпиталь, шестнадцатую квартиру с вечерними ее чаями, разговорами... Может, потому и ушел отсюда, что почувствовал приближение этого самого? Может, потому и тыкнул на фронт? А может, и сама эта тоска по фронту была тем же прижиганием к земле?»

В этом самокритическом размышлении героя много верного, — в особенности, понимание Николаем никчёмности своей недавней жизни. Но нет здесь ответа на то, как и почему произошло это приземление. Даже и попыток найти объяснение линии жизни Николая Митисова Виктор Некрасов не сделал. Герой весь состоит из смутных, едва уловимых импульсов, определяющих его поступки. В Николае оказалось слишком много туманных порывов, перед объяснением которых читатель встает в тупик.

А Шура, его жена, колеблемая, как былина, и «приспосабливаясь» к Николаю, то к Федору, то к Сергею, — чем объясняется безволие ее характера, столь непостоянного, столь несамостоятельного? Шура отдается потоку жизни с такой фаталистической пассивностью, что это временами кажется даже не совсем правдоподобным. Неужто и у Шуры не было даже внутренних возражений против поворотов ее собственной судьбы? А Сергей, с его внешней активностью, разве и он не так же слепо подчинен стихии жизненного процесса, никем, в сущности, не управляемого? Трудные, смятенные судьбы...

В повести В. Некрасова разнито удивление художника перед сложностью и неожиданностью крутых поворотов жизни, которая, стихийно несется вперед, то ласково, то суrowо обходится с людьми. Но может ли одно это меланхолическое удивление быть плодотворным для художника?

Борься с плоским морализированием и лакировкой жизни, нужно ли писатьмо отказываться от постижения ее объективных общественных законов, постижения активного творческого начала в людях?

Жизнь, конечно, безгранично интересна и поучительна не только в своих взлетах, но даже и в самых своих отрицательных и тeneвых проявлениях. Но, фиксируя ее сложность, писатель не может не задумываться над ходом истории общества в целом. Горестные, трудные судьбы героев, если они заинтересовали художника, должны быть не только проследжены в своем процессе, но и истолкованы, не только описаны, но и объяснены. Иначе писатель подстерегает опасность натурализма, хотя, право же, очень не хочется произносить это резкое слово по отношению к В. Некрасову и его повести.

Тревожно думается о судьбе, о развитии большого и яркого таланта Виктора Некрасова. Его своеобразный и интересный путь может быть и должен быть более широк, более ясен и плодотворен.

Стокгольм, 19 ноября

Для того, чтобы добраться до здания, в котором происходит сессия Всемирного Совета Мира, нам пришлось проехать по большей части Стокгольма, Швеция — гордо гордится своим столицей северной Европы...

Просторное здание, в котором происходит заседание сессии Всемирного Совета Мира, находится на острове, представляющем собой огромный парк-заповедник...

Шведским сторонникам мира пришлось, видимо, немало поработать, чтобы достойно встретить участников сессии. И, судя по тому, как они встречали делегатов...

Стокгольм не впервые принимает у себя посланцев мира. Почти пять лет тому назад, в марте 1950 года, здесь состоялось заседание Постоянного комитета Всемирного Конгресса сторонников мира...

За эти годы Всемирный Совет Мира превратился во влиятельный и представительный орган сторонников мира. Он выражает надежды и чаяния всех людей...

Вот данные, свидетельствующие о широком представительном характере настоящей сессии. Если в марте 1950 года на сессии Постоянного комитета присутствовало 150 делегатов...

Об интересе, который проявляет мировая общественность к работе данной сессии, можно судить по обилию корреспонденции, места прессы плотно заполнены...

Среди делегаций, прибывших в Стокгольм, особенно многочисленна немецкая. Помимо членов Всемирного Совета Мира...

Сессия открылась 18 ноября утром в 10 часов. И сразу же состоялось выступление по первому пункту повестки дня. На первом же заседании был заслушан доклад индийской делегации...

Как это было и на предшествовавших сессиях Всемирного Совета Мира, обсуждение важных и острых вопросов, волнующих делегатов, происходит не только в зале заседаний, но и в кулуарах...

М. АЛМАЗОВ, специальный корреспондент "Литературной газеты" (По телефону)

Илья ЭРЕНБУРГ

Отстоять путь к миру!

Впервые нашу работу не сопровождают заложившей аккомпанимент снарядов и бомб. В этом залучили всех сторонников мира. Помните, как мы начали: улюлюканье, насмешки, подлинные и вымышленные молчание третьих...

Разумеется, сторонники политики силы не отказались от своих целей. Они делают все, чтобы раздвинуть и встревожить народы. Они делают все, что могут. Но теперь они уже не могут ничего. Разве Манильский пакт способен заткнуть в сознании народов Азии все значение Женевских соглашений...

Наше утверждение о необходимости мирного осуществления государств с различными социальными системами начинают доходить до сознания самых отсталых граждан в самых политически отсталых странах...

Пропангандистская пропаганда — опасное дело, она строит тем радиоактивным ядам, которые не поддаются контролю. Эта пропаганда отражает климат Европы и может, даже вопреки желанию того или иного правительства, привести к конфликту...

Вооружение Западной Германии и включение ее в военный блок не только не могут быть отнесены к мерам, способствующим мирному осуществлению или мирному сожителю, они создают новое положение, новую угрозу Европе и всему миру...

Не только тревога, но и надежда, не только ненависть к войне, но и любовь к миру заставляет нас теперь с особым вниманием рассмотреть положение в Европе. Слов нет, наибольшая опасность ужасного кровопролития связана с производимым расщеплением как всей Европы, так и большого государства, находящегося в ее центре...

Речь, произнесенная на сессии Всемирного Совета Мира в Стокгольме 18 ноября.

жизни другой блок — «Антанту». Все знают, чем это кончилось. «Ось Берлин—Токкио—Пекин» породила вторую мировую войну. Создавая военный блок, западные державы продолжают теперь ту политику...

Агрессивные военные блоки неизбежно связаны с военным испехом. Когда английский парламентарий спрашивает, почему нельзя свободно торговать со странами Восточной Европы, ему отвечают, что имеющиеся ограничения продиктованы желанием оградить Запад от нападения в Востока...

Пропаганда страха и ненависти в предположении противнику. Без военного блока тотчас развалится военный блок. Следовательно, вполне налицо или вполне искренни те люди, которые уверяют, что вооружение Западной Германии и включение ее в военный блок никак не помогают мирному осуществлению западных держав и Советского Союза...

Вооружение Западной Германии и включение ее в военный блок не только не могут быть отнесены к мерам, способствующим мирному осуществлению или мирному сожителю, они создают новое положение, новую угрозу Европе и всему миру. Теперь всем ясно, что гонка вооружений — несчастье для всего народа, и перед всеми государствами встает вопрос...

История последних 80 лет показала нам, что при достаточно вопиющих нравах правителя некоторых других европейских государств пальма первенства в развязывании войн все же принадлежала германской империи и в первую очередь германской империи...

Вооружение Западной Германии и включение ее в военный блок не только не могут быть отнесены к мерам, способствующим мирному осуществлению или мирному сожителю, они создают новое положение, новую угрозу Европе и всему миру. Теперь всем ясно, что гонка вооружений — несчастье для всего народа...

сечное мясо. Однако хитрый фокусник легко может оказаться в положении маршала. Как известно, правительство Западной Германии упорно отказывается признать существование границ и тем самым открыто ставит реванш в свою программу. Если в Европе будут существовать две враждующие группировки...

Мы говорили и мы повторяем: вооружение Западной Германии сделало бы невозможным объединение Германии. Это ясно всем. Если об этом стыдливо молчат некоторые французы, еще недавно выступавшие против «европейского оборонительного союзна» и теперь согласные перерезать это явно несладкое блюдо...

Людям, искренне или неохота отстаивающим лондонские соглашения, говорят, что другого выхода для Западной Европы нет, что Советский Союз не хочет объединения Германии и отклоняет все предложения о свободных выборах...

Вооружение Западной Германии и включение ее в военный блок не только не могут быть отнесены к мерам, способствующим мирному осуществлению или мирному сожителю, они создают новое положение, новую угрозу Европе и всему миру. Теперь всем ясно, что гонка вооружений — несчастье для всего народа...

Сторонники политики силы заведи государства Западной Европы в туниз проторечий. Я остановлюсь на Франции не только потому, что знаю и люблю эту страну. Нет теперь сенца, который не понимал бы ее роли в прошлом, настоящем и будущем Европы. Трудно решить европейскую проблему, не считаясь с волей Франции...

Сторонники политики силы заведи государства Западной Европы в туниз проторечий. Я остановлюсь на Франции не только потому, что знаю и люблю эту страну. Нет теперь сенца, который не понимал бы ее роли в прошлом, настоящем и будущем Европы. Трудно решить европейскую проблему, не считаясь с волей Франции...

Сторонники политики силы заведи государства Западной Европы в туниз проторечий. Я остановлюсь на Франции не только потому, что знаю и люблю эту страну. Нет теперь сенца, который не понимал бы ее роли в прошлом, настоящем и будущем Европы. Трудно решить европейскую проблему, не считаясь с волей Франции...

ци говорят о «верности принятым ранее обязательствам». Однако можно ли соблюдать эти обязательства, пренебрегая другими? Существует соглашение, под которым стоит подпись Франции, направленной против угрозы возрождения германского милитаризма. Это соглашение предусматривает в затруднительные минуты консультации между Францией и Советским Союзом...

Мы говорили и мы повторяем: вооружение Западной Германии сделало бы невозможным объединение Германии. Это ясно всем. Если об этом стыдливо молчат некоторые французы, еще недавно выступавшие против «европейского оборонительного союзна» и теперь согласные перерезать это явно несладкое блюдо...

Людям, искренне или неохота отстаивающим лондонские соглашения, говорят, что другого выхода для Западной Европы нет, что Советский Союз не хочет объединения Германии и отклоняет все предложения о свободных выборах...

Вооружение Западной Германии и включение ее в военный блок не только не могут быть отнесены к мерам, способствующим мирному осуществлению или мирному сожителю, они создают новое положение, новую угрозу Европе и всему миру. Теперь всем ясно, что гонка вооружений — несчастье для всего народа...

Сторонники политики силы заведи государства Западной Европы в туниз проторечий. Я остановлюсь на Франции не только потому, что знаю и люблю эту страну. Нет теперь сенца, который не понимал бы ее роли в прошлом, настоящем и будущем Европы. Трудно решить европейскую проблему, не считаясь с волей Франции...

Сторонники политики силы заведи государства Западной Европы в туниз проторечий. Я остановлюсь на Франции не только потому, что знаю и люблю эту страну. Нет теперь сенца, который не понимал бы ее роли в прошлом, настоящем и будущем Европы. Трудно решить европейскую проблему, не считаясь с волей Франции...

Сторонники политики силы заведи государства Западной Европы в туниз проторечий. Я остановлюсь на Франции не только потому, что знаю и люблю эту страну. Нет теперь сенца, который не понимал бы ее роли в прошлом, настоящем и будущем Европы. Трудно решить европейскую проблему, не считаясь с волей Франции...

европейских государств с участием представителей Соединенных Штатов и обсуждение Европы. Любая участниц такого совещания сможет предложить свой план, из обсуждения должно родиться нечто конкретное и приемлемое для всех участников соглашения.

Большее ждать нельзя: настало время призвать к сотрудничеству все европейские государства, независимо от того, какие принципы руководят их внутренней политикой. Представители всех европейских государств могут и должны договориться об организации безопасности.

К участию в таком объединении следует пригласить и Соединенные Штаты Америки, поскольку они дважды оказывались втянутыми в войну, начавшуюся в Европе, и поскольку американский народ экономически тесно связан со многими народами Западной Европы.

Один француз — читатель «Фигаро», весьма неодобряющий Советский Союз, но которого вместе с тем тяготит зависимость и шаткое положение его страны, как-то сказал мне: «Мы, французы, мечтали о таких гарантиях нашей безопасности, под которыми стояли бы подписи Соединенных Штатов и Советского Союза».

Людям, искренне или неохота отстаивающим лондонские соглашения, говорят, что другого выхода для Западной Европы нет, что Советский Союз не хочет объединения Германии и отклоняет все предложения о свободных выборах...

Вооружение Западной Германии и включение ее в военный блок не только не могут быть отнесены к мерам, способствующим мирному осуществлению или мирному сожителю, они создают новое положение, новую угрозу Европе и всему миру. Теперь всем ясно, что гонка вооружений — несчастье для всего народа...

Сторонники политики силы заведи государства Западной Европы в туниз проторечий. Я остановлюсь на Франции не только потому, что знаю и люблю эту страну. Нет теперь сенца, который не понимал бы ее роли в прошлом, настоящем и будущем Европы. Трудно решить европейскую проблему, не считаясь с волей Франции...

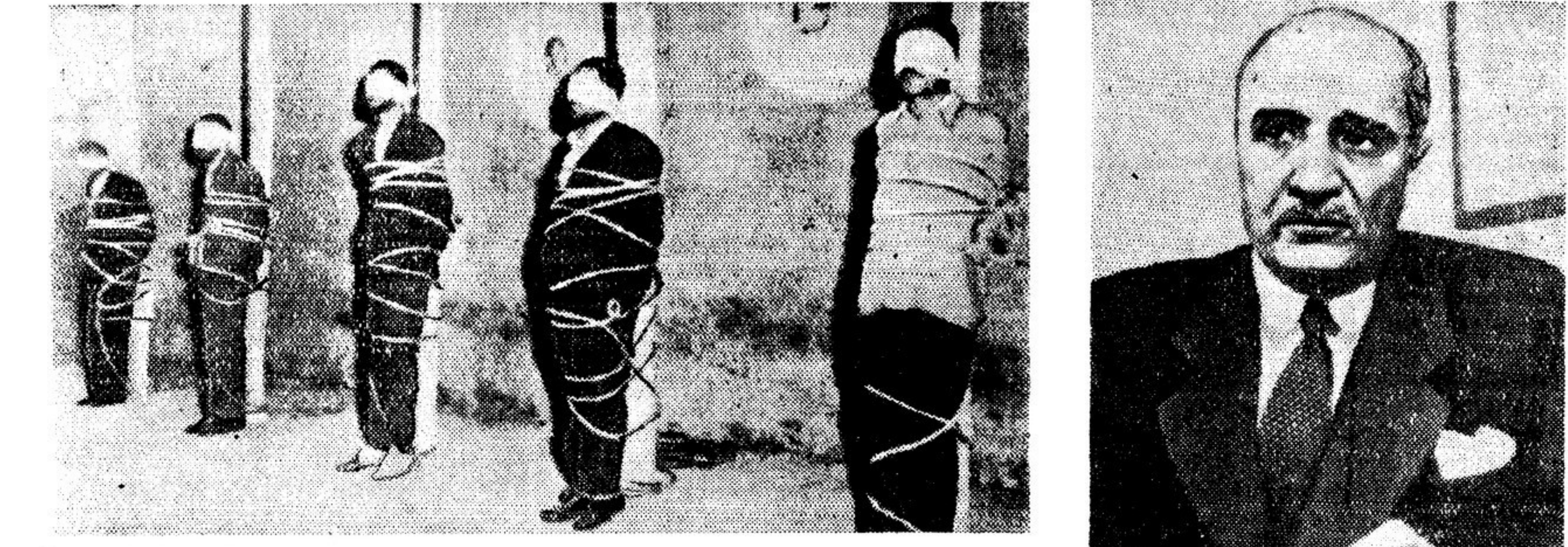
Сторонники политики силы заведи государства Западной Европы в туниз проторечий. Я остановлюсь на Франции не только потому, что знаю и люблю эту страну. Нет теперь сенца, который не понимал бы ее роли в прошлом, настоящем и будущем Европы. Трудно решить европейскую проблему, не считаясь с волей Франции...

Сторонники политики силы заведи государства Западной Европы в туниз проторечий. Я остановлюсь на Франции не только потому, что знаю и люблю эту страну. Нет теперь сенца, который не понимал бы ее роли в прошлом, настоящем и будущем Европы. Трудно решить европейскую проблему, не считаясь с волей Франции...

Что и как пишет журнал «Тайм» о казнях в Иране

В Иране продолжают казни. Американский журнал «Тайм» в одном из номеров от 1 ноября поместил два снимка. На одном — американский посол в Иране Лой Гендерсон, сыгравший, по словам журнала, «важную роль в разрешении англо-иранского нефтяного конфликта»...

В августе прошлого года. Тогда-то и были подняты на ноги американские разведчики и дипломаты. Недалеко пришлось потрудиться тогда господина Аллену Даллесу, Лой Гендерсону, генералу Шварцкопфу и другим «рыцарям плаща и бинжала»...

EXECUTION OF COMMUNISTS IN TEHERAN. Only an echo from a muddy wall. Казнь коммунистов в Тегеране. Только эхо от земляной стены.

Уже все громче раздается голос передовой общественности всего мира: прекратить казни иранских патриотов! Выпущенное недавно Обращение Центрального объединения советских рабочих и трудящихся Ирана выражает уверенность, что международная солидарность и поддержка положат конец антидемократическому репрессиям и массовым убийствам представителей народа, борющегося за свое существование и независимость...

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

Посол США в Иране Лой У. Гендерсон. Журнал «Тайм» пишет: «На прошлой неделе, на церемонии в Конституции холл в Вашингтоне, президент Эйзенхауэр вручил дипломату Гендерсону высшую награду, присуждаемую служащим государственного департамента — орденом «За отличную службу».

Снимок из журнала «Тайм»